

6+

Джеймс Уиллард Шульц

Брат Красной Вороны

рассказ Хью Монро о втором годе жизни на равнинах

Джеймс Уиллард Шульц
Брат Красной Вороны

«Автор»

1927

Шульц Д.

Брат Красной Вороны / Д. Шульц — «Автор», 1927

Продолжение повести "Поднимающийся Волк, белый черноногий".
Хью Монро проводит второе лето с племенем пикуни. Его ждут новые приключения - поход за Скалистые горы, встречи с дружественными племенами, схватки с врагами.

© Шульц Д., 1927

© Автор, 1927

Джеймс Уиллард Шульц

Брат Красной Вороны

ГЛАВА I

ПИКУНИ СНИМАЮТСЯ С МЕСТА

Как я позднее узнал, пионерами Запада были мужчины и женщины, которые на фургонах, груженных домашним скарбом, сельскохозяйственным инвентарем и запасами пищи двигались на запад с берегов Миссисипи, чтобы построить свой дом на великих равнинах или в горных долинах Запада. То были люди времен крытых фургонов Эмерсона Хьюго. Они не были первооткрывателями – они шли путями, проложенными мсье де ла Верендри, сэром Александром МакКензи, Льюисом и Кларком, трапперами и торговцами разных мехоторговых компаний. Эти люди, открыватели Великого Запада, первыми из своей расы встретившие жившие там племена индейцев, были не просто пионерами – они были бесстрашными искателями приключений, и одним из их числа был мой старый друг, Хью Монро, или Поднимающийся Волк. Он был первым белым, который увидел огромные просторы и горы, лежащие между истоками Саскачевана и Миссури.

В книге «"Поднимающийся Волк, белый черноногий» я с его слов как мог изложил историю его приключений, случившихся во время первого года его пребывания в стране Скалистых Гор. Вкратце – Хью Монро, сын капитана английской армии Хью Монро и Амели де ла Рош, происходившей из благородного семейства французских эмигрантов, родился в поселении Три Реки, в провинции Квебек, 9 июня 1798 года. С разрешения своих славных родителей он в 1814 году поступил на службу в компанию Гудзонова Залива, и следующим летом прибыл на их факторию в Скалистых Горах, форт Маунтин на реку Лука, главном притоке Саскачевана. Рядом с ней стояли лагерем три племени конфедерации черноногих и их союзников, гровантров и саксис – тысячи индейцев, которые терпеливо ожидали прибытия флотилии компании из лодок, груженных товарами для ежегодной торговли. В то время в компании не было переводчика, и фактор, Джеймс Хардести, сразу предложил юноше жить и путешествовать с индейцами племени пикуни, чтобы изучить их язык. Так, под защитой Одинокого Ходока, главного вождя племени, Хью Монро в свои семнадцать лет отправился в путешествие продолжительностью в год и пережил там множество приключений. Между Саскачеваном и Миссури он жил в лагерях, путешествовал и охотился на огромных равнинах, которые до него не видел ни один белый, и принимал участие в сражении в Речными Людьями – Пенд Д'Ореллями. У водопадов Миссури он пересек путь Льюиса и Кларка, и потом, между Миссури и Йеллоустоуном, он прошел по местам, которые увидел первым из белых, и там сражался с другими врагами черноногих, Вороны. Во многом благодаря его усилиям пикуни, договорившись с другими племенами черноногих, заключили мирный договор с Вороны, и разрешили им пройти на север, чтобы обменять свои добытые зимой меха на товары белых. Когда он вернулся в форт в месяц Новой Травы (апрель) 1816 года, фактор Хардести с интересом выслушал его рассказ о долгом путешествии и сказал ему, что все прекрасно – так прекрасно, что он хочет, чтобы тот провел с пикуни еще один год. С этим кратким предисловием я продолжаю.

РАССКАЗ ПОДНИМАЮЩЕГОСЯ ВОЛКА

Друг мой, в тот день, когда я вернулся в форт, я был далеко не счастлив. Когда я приблизился к форту и увидел фактора Хардести, гревшегося на солнце около больших ворот, я сказал себе:

– Я сделал то, что поручил мне этот человек: я выучил язык черноногих, и теперь закончилось это более чем приятное и интересное путешествие с пикуни по их прекрасным охотничьим землям. Теперь же мне предстоит быть переводчиком в форте Маунтин и день за днем, месяц за месяцем, год за годом жить в темных, прокопченных комнатах. Это ужасно! Я на смогу так жить, это однообразие меня убьет!

Ха! Представьте, как был я счастлив, когда через час после моего прибытия фактор Хардести сказал мне, что я должен провести с пикуни еще один год. Это решение озарило его в один миг, словно вспышка света, и я не мог понять причину, по которой он это сделал. Разговор наш был коротким и скоро прервался, потому что нужно было готовиться к приему вождей пикуни и горных Ворон, которые тоже должны были прибыть в тот день. На следующий день прибыли речные Вороны и кайна, а через несколько дней прибыли черноногие, гро-вантры и саксисы, и мы приняли их вождей со всеми церемониями. С первого дня, как прибыли вожди, я тщательно переводил все, что они говорили, и таким образом фактор Хардести смог на равных поговорить с этим гордым, независимым и самобытным народом равнин. Однажды он мне сказал:

– Монро, как мало до сегодняшнего дня я знал об этих вождях! Это настоящие джентльмены! Аристократы, клянусь Юпитером!

И добавил:

– Этот Одинокый Ходок, твой опекун. Как он благороден, как сдержан! И как умен: когда мы с ним советовались, все, что он сказал, было приятно слушать.

– Ему не понравится, если он узнает, что вы называете его черноногим, – заметил я. – Его племя называется пикуни (что означает «одежды, принесенные издалека¹»), и это одно из трех племен, говорящих на одном языке, которые наша компания Гудзонова Залива ошибочно называет черноногими. Эти три племени – кайна (Много Вождей), сиксики (Черноногие), и пикуни, и сами себя в целом они называют нитситупи, что означает настоящие или единственные люди. И, хотя они всегда выступают заодно против общего врага или для защиты общих охотничьих угодий, каждое из племен считает себя лучшим из трех – самым благородным, храбрым и богатым.

– Ну, все это для меня новость. И все это ты узнал за этот год; я уверен, что узнал ты много больше, – сказал фактор.

В торговом зале и на складе оставалось еще много товаров, и торговля была оживленной. День за днем я проводил в торговом зале, помогая пятерым служащим, стоявшим за стойкой, переводя им просьбы индейцев, говоря, как называется тот или иной товар, и устал от всего этого. По несколько раз в день заходил фактор Хардести – он потирал руки, улыбался, кивал и всячески демонстрировал свое удовольствие от того, как быстро растут стопки бобровых шкур и других мехов. Его появления меня пугали. С моего появления в форте он больше не говорил о том, что я должен провести с пикуни еще один год. Я боялся, что он передумает и оставит меня в форте в качестве переводчика и помощника в торговом зале.

С каждым днем запасы товаров уменьшались, наконец все было продано, и нам оставалось только сидеть и ждать – индейцам с особым нетерпением – ежегодного прибытия лодок их фактории Йорк, которые должны были доставить новые товары. Они пришли только в июне, поднявшись по реке, и снова, с раннего утра и до заката длинные летние дни я был занят в торговом зале, и с каждым днем мое отвращение к этой работе только росло.

Лодки привезли и адресованные нам письма; большое, на многих страницах письмо для фактора и четыре маленьких листочка для меня, где мама сообщала мне новости из дома и молилась о моем здоровье и благополучии. Фактор, как я заметил, перечитывал один из листов

много раз, при этом хмурился и что-то сердито бормотал про себя, и наконец, однажды вечером, он положил это письмо передо мной, прижав его к столешнице, и прорычал, словно я был глухим:

– Это от главного фактора, из Монреаля. Он утверждает, что Северозападники² через свою факторию в Спокене, за горами, ведут большую торговлю с Плоскоголовыми и кутенаи, и приказал мне прервать эту торговлю. Ха! Можно подумать, что достаточно мне сказать это индейцам, и они сразу перестанут это делать! Ну разумеется, я постараюсь сделать то, что в моих силах, чтобы прекратить эту торговлю. Иди, пригласи Одинокого Ходока и вождей сиксиков и кайна выкурить со мной трубку; мы обсудим это дело.

Они пришли охотно, как и вожди гро-вантров, и, когда большая трубка прошла по кругу, начались оживленные разговоры, пока фактор не встал и не объявил о том, что хочет торговать с западными племенами – с обитающими к западу от Скалистых гор.

Последовала глубокая тишина, которую прервал Жир Спины Бизона, который, хмуро усмехнувшись, сказал:

– Прямо сейчас восемьдесят моих юношей идут в поход на Плоскоголовых.

Ребра Орла, вождь кайна, добавил:

– Пять лет назад мы заключили мир с Плоскоголовыми и позволили им охотиться на бизонов на наших равнинах, и что они сделали в ответ на это? На Желтой реке они убили мужчин из охотничьего отряда, забрали их вдов и лошадей. Никогда, никогда больше я не выкурю трубку с этими лжецами с запада!

– И я! И я! – закричали другие вожди. И один из них добавил:

– Все же мы очень их ценим – ведь они выращивают отличных лошадей, на которых мы ездим!

В ответ раздался громкий хохот и хлопки ладоней.

Фактор снова набил трубку и протянул ее Три Медведя, жрецу солнца племени пикуни, и одна из его жен, красивая молодая женщина, которая все время сопровождала его, робко взяла из очага уголек и что-то шепнула ему на ухо, когда подавала его ему. Потом, выдохнув облачка дыма вверх, к небесным богам, и вниз, к матери-земле, он пустил трубку по кругу и сказал:

– Моя жена из племени кутенаи, которая здесь, сказала мне, что мы должны пригласить кутенаи прийти сюда и остаться с нами на лето.

И потом я услышал голос женщины, что было впервые, потому что обычно женщинам не разрешалось говорить на советах вождей. Тихо, прерывающимся голосом, она сказала:

– Да, о вожди. Во имя вашей любви к своим женам и своим детям я прошу вас пригласить сюда мой народ. Я не видела их с тех пор, как стала женой этого мужчины, а с тех пор прошло семь зим; той зимой они стояли лагерем и охотились вместе с пикуни на Медвежьей реке. Я так хочу, о, как же я хочу увидеть мою мать, моих сестер и братьев...

Она не могла больше говорить, и, накрыв голову накидкой, тихо заплакала.

Обсудив кутенаи после просьбы женщины, все согласились с тем, что они люди храбрые, добросердечные, благородные, щедрые на подарки в виде хороших лошадей, хорошо выделанных шкур животных, которые водятся в горах, сушеного камасса и биттеррута (съедобные клубни), и что стоит разрешить им провести с нами на равнинах еще одну зиму. Но приглашать их было ниже достоинства для Настоящих Людей. Пусть сами попросят разрешения поставить свой лагерь на нашей стороне и охотиться на наших бизонов; они, разумеется, получат столь ценное разрешение.

Большая трубка, сделав круг, вернулась наконец к фактору, и тот, убедившись, что она докурена до конца, выбил из нее пепел и воскликнул:

– Куй! Ит-си-нит-си! (Вот! Она закончилась!) – фраза, которая означала, что все вопросы решены и можно расходиться.

Вожди стали расходиться. Когда они вышли, он велел мне задержать шамана, Три Медведя, и его жену. Когда они снова уселись, он попросил меня спросить ее, что не давало ее племени охотиться на бизонов в наших землях последние семь зим.

– Этого я не говорила, – ответила она. – Я просто сказала, что не видела их последние семь зим. Им тяжело приходится без бизоньих шкур, которые им нужны для одежды и прочих надобностей. Они часто переходят горы и охотятся на бизонов, но, насколько горды Настоящие Люди, настолько же горды и кутенаи. Они не любят просить разрешения на то, чтобы убивать животных, потому что считают себя равными жителям равнин. Поэтому охотятся они только по краю равнин, рядом с горами, и, добыв столько бизонов, сколько им нужно, уходят назад, на запад в свою страну.

– Где они обычно охотятся на бизонов? – спросил фактор.

– Там, где река Пузатая, или река Много Мертвых Вождей, или река Обрезанных Берегов, или река Двух Священных Хижин³ стекают с гор на равнину.

– Отлично! Это то, что я и хотел узнать, – сказал фактор, потом вручил Три Медведя связку табака и знаками показал, что беседа закончена.

Потом, когда те ушли, он сказал мне:

– Ты помнишь, мой мальчик, что я сказал тебе о том, что ты должен отправиться к пикуни еще на один год. Правда, когда я увидел, как ты полез в торговом зале, я решил оставить тебя здесь. Но теперь я говорю: ты должен отправиться с пикуни и сделать все что сможешь, чтобы убедить кутенаи зимовать вместе с пикуни, а весной прийти сюда и торговать.

– Я хочу пойти с пикуни! Я ненавижу этот торговый зал! Но найти кутенаи и сделать то, о чем вы сказали – как я все это сделаю?

– С помощью Одинокого Ходока ты сделаешь и больше. Этот вождь заботится о тебе больше, чем о собственном сыне, – ответил он и велел мне ложиться спать.

– Если вы не возражаете, я буду спать в вигваме Одинокого Ходока, – сказал я.

Он улыбнулся и кивнул в знак согласия, и я взял со своей койки одеяло, чтобы было чем укрыться, и вышел. Ночной сторож позволил мне выйти через маленькую калитку в ограде склада. До лагеря пикуни было около мили. Я добежал до его границы, потом пошел медленнее и завернулся в одеяло, чтобы на меня не напали большие, похожие на волков собаки. Час был поздний; почти во всех вигвамах, кроме нескольких, огни уже погасли. Было очень темно, но я хорошо знал, в каком месте большого круга расположены вигвамы клана Маленьких Накидок. Я прошел позади вигвамов кланов Одиноких Едоков и Жарящих Жир. За ними стояли вигвамы Маленьких Накидок, числом более ста, это был самый большой из двадцати четырех кланов племени. Немного в стороне от них, в том же круге, стоял большой вигвам Одинокого Ходока, сделанный из двадцати восьми бизоньих шкур. Я осторожно поднял дверной полог, вошел в вигвам, опустил полог, сделал два шага влево, коснулся края лежанки и толкнул спящего сына вождя и моего близкого друга, Красную Ворону.

– Старший брат, я пришел, – сказал я.

– Да. Что случилось?

– Ничего, все прекрасно. Мой вождь сказал мне, что я должен пойти на юг вместе с пикуни.

В задней части вигвама проснулся Одинокый Ходок.

– Что такое? Кто вошел? – спросил он.

– Это я! Я свободен! Я пойду на юг вместе с пикуни! – крикнул я.

– Ха! Это Поднимающийся Волк, мой белый сын! Я очень рад, что ты снова пойдешь с нами. Ты хорошо знаешь, что этот вигвам – твой дом. Ложись спать. Завтра поговорим, – сказал он.

– Да. Ложись рядом. Я очень хочу спать, – сказал Красная Ворона.

Я лег рядом с ним на мягкую лежанку из шкур, как делал это почти каждую ночь в течение целого года, и как собирался делать в течение следующего года. Я долго не мог уснуть – думал о дальних путях, которыми мы пройдем, предвкушал приключения, которые нам предстоит пережить.

На рассвете Красная Ворона разбудил меня, и вместе с Одиноким Ходоком мы отправились на утреннее купание. Берег был полон мужчинами из племени, начиная с мальчиков трех-четырёх лет от роду. Летом и зимой это было обязательно для всех членов народа Настоящих Людей. Хотя зимой дети орала и сопротивлялись, зимой старшие братья и отцы несли их к полыньям и окунали в ледяную воду. Это так приучало их переносить холод, что зима не становилась для них ужасным временем. Летом девушки и женщины купались днем, после мужчин, а зимой ходили в хижины для потения.

Искупавшись, мы позавтракали вяленным мясом, спинным жиром и масиксом (съедобные клубни), а потом пошли в форт поговорить с фактором. Разговор был коротким. Одинокий Ходок пообещал, что, если встретит кутенаи во время своих кочевков, то не станет с ними враждовать и уговорит их по весне принести в форт свои бобровые меха. Фактор сказал, что хочет, чтобы я взял с собой товары для торговли, сколько унесут шесть выючных лошадей, и вождь сказал, что он поручит заботу об этих лошадях и их поклаже своим женщинам, и уверил фактора в том, что обращаться с ними будут хорошо. Как только пикуни закончат торговать, мы тронемся в путь, это будет через два утра.

Весь день я был занят, помогая упаковывать товары, которые должен был взять: пятьдесят фунтов пороха, двести пятьдесят фунтов пуль, сто капсюлей, пятьсот фабричного изготовления наконечников для стрел, пятьдесят напильников, сто фунтов табака, пятьдесят ловушек для бобров, несколько упаковок шил и игл для шитья шкур и китайский фарфор. Все это я должен был раздавать тем, кому это понадобится, а платить за эти товары они должны были следующим летом, когда вернутся в форт. Несколько женщин из второго вигвама Одинокого Ходока после полудня пришли за лошадьми и увели их в лагерь – семь навьюченных лошадей. У вождя было девятнадцать жен и множество детей, и два очень больших вигвама, каждый из двадцати восьми бизоньих шкур. В вигваме, который занимал вождь, жила его «сидящая рядом» жена и семь других, несколько маленьких детей, старший сын, Красная Ворона, и я.

Тем вечером, вернувшись в лагерь, я застал в вигваме вождей сиксиков, кайна и гро-вантров, который собрались, чтобы попить и выкурить с ним прощальную трубку. Из их разговоров я понял, что сиксики собираются провести зиму недалеко от форта; кайна пойдут к Ай-ак-ки-майк-уи (Крутые Холмы По Ту Сторону), которые белые потом называли Кипарисовыми холмами, где теперь стоит форт Уолш. Гро-вантры хотят пойти к южным склонам гор Медвежьей Лапы и Волчьим (Малым Скалистым) горам, где будут охотиться до зимы, а потом отправятся в поросшую сосновыми лесами долину Миссури, где найдут хорошее укрытие от холода и ветра. Поскольку мы собирались зимовать в верхнем течении Миссури или на ее главных притоках, гро-вантры становились нашими ближайшими соседями из всех племен конфедерации, и было решено, что мы должны будем поддерживать с ними связь и объединять свои силы, когда понадобится дать отпор врагу, вторгшемуся в охотничьи земли Настоящих Людей и их союзников. Разумеется, саксисы должны были остаться вместе с сиксиками.

Следующий день был последним, который я отработал в торговом зале, и вечером я в последний раз поужинал с фактором, и, пока мы ели, он уговаривал меня хранить верность компании Гудзонова Залива, которая с тех пор как в 1670 году получила от короны грамоту, была самой честной и законной из торгующих с индейскими племенами, и все делала для того, чтобы блюсти свою выгоду, вместо того чтобы спаивать и обирать индейцев, как это делали наши конкуренты, северозападники. Надеюсь на большие барыши, они уговаривают индейцев нести им все меха подстреленных или пойманных животных. В отличие от них наша компания берет только шкуры крупных взрослых животных, что намного удобнее для перевозки и обес-

печивает процветание трапперам и торговцам. Но при наличии конкурентов такая политика долго продолжаться не может. Прежнего соперничества более не существует; обе компании в результате конкурентной борьбы несут убытки, но в конечном итоге наша компания уничтожит или поглотит северозападников, потому что наши ресурсы неизмеримо больше, чем у них.

И потом, в конце разговора, он сказал мне, очень серьезно:

– Мальчик мой, на тебе лежит большая ответственность; во время путешествия на юг ты будешь представлять компанию Гудзонова Залива. Прежде чем решить – важно что-то или нет, подумай дважды, трижды, а еще лучше отложи решение на утро.

Я уверил его, что так и сделаю, и решил, что так и буду поступать. Тогда он встал, снял со стены подзорную трубу в футляре из толстой кожи, протянул ее мне и сказал:

– Она тебе очень пригодится. Она в сорок раз сильнее человеческого глаза.

Этот подарок мне так понравился, он так был мне нужен, что я еле смог выговорить слова благодарности. Он пожал мне руку, тронул мое плечо, попросил меня быть поосторожнее, и я отправился в лагерь к вигваму Одинокого Ходока, где находились все мои вещи.

На следующее утро не прошло и часа после восхода солнца, когда мы с Красной Вороной привели в лагерь табун лошадей Одинокого Ходока. Их было больше полутора сотен, и среди них были и девять моих. Два наших вигвама уже были сложены и все находившиеся в них вещи были готовы к погрузке на волокуши или вьючных лошадей. По мере того, как мы подвозили лошадей ближе, женщины привязывали тех, что им были нужны для вещей и всадников – таких было больше семидесяти. Вокруг нас вся земля была покрыта кожаными покрытиями вигвамов, рядом с ними валялись упавшие вигвамные шесты; крики женщин и детей, ржание лошадей и лай собак почти оглушали. Старики, которые во всем этом не участвовали, собирались в кружки, спокойно курили и беседовали, ожидая, когда их лошадей оседлают и приведут к ним. Наш клан, И-нак-сис, или Маленькие Накидки, должен был выходить первым, и он растянулся на полмили вдоль хорошо утоптанной, глубоко вбитой в почву тропе, ведущей на юг. Во главе колонны двигался Одинокий Ходок и жрец Солнца, Три Медведя, а также главные воины клана, а мы с Красной Вороной шли за ними, приглядывая за табуном вождя.

Другие кланы шли за нами, один за другим. Колонна в три мили длиной представляла собой прекрасное зрелище. Яркая, богато украшенная лошадиная сбруя делала ее похожей на огромную блестящую змею, ползущую по равнине. Я чувствовал гордость при мысли о том, что являюсь ее частью. Но, когда члены разных групп И-кан-ах-кат-си (большого военного общества Всех Друзей), которые шли за нами, разошлись в стороны, чтобы вести разведку и охотиться, уйдя далеко вперед, мы с Красной Вороной расстроились, что нам досталось такое задание. Мы с ним были членами общества Храбрецов; мы тоже хотели уйти вперед, чтобы обследовать путь, вместо того, чтобы всю дорогу приглядывать за лошадьми. Мне стало получше, когда Красная Ворона сказал мне, что мы не должны постоянно смотреть за лошадьми; мы поговорим с племянником вождя, Орлиным Пером, и сыном нашего шамана, Белой Антилопой, чтобы соединить наши табуны и следить за ними поочередно. Об этом мы договоримся с ними вечером.

В тот день мы увидели всего нескольких бизонов, потому что из-за продолжительной охоты они ушли далеко от форта. Они не появлялись, пока мы не пришли на Пузатую реку, где их было множество, и там мы устроили охоту, которая продолжалась два дня. Потом вожди решили двигаться к Внутреннему озеру (озеро Святой Марии), встать там ненадолго, а оттуда направиться к реке Двух Магических Хижин, где шаманы решили провести О-кан, великую ежегодную религиозную церемонию. Когда мы пришли к стоянке, которая была у нижнего берега нижнего озера, два дня спустя после того, как оставили берега Пузатой реки, мы с Красной Вороной были двумя счастливыми юношами; во время стоянки мы были совершенно свободны и могли ездить по окрестностям и охотиться вместо того, чтобы следить за лошадьми на пыльной дороге.

Покрытие для вигвама, сделанное из бизоньей кожи, служило два года; после этого оно приходило в негодность и ветер и дождь проникали через него, как через сито. Тем летом почти каждой семье был нужен новый вигвам. Всю зиму женщины выделывали нужное количество шкур бизоних, делая из них мягкую кожу. Сейчас они лежали на земле, уложенные в круги, перекрывая друг друга; потом их обрезали по размеру и сшивали нитками из жил. Были нужны и новые шесты взамен сломанных или потерянных, а если вместо старого вигвама делали новый, большего размера, то для него был нужен полный набор новых шестов.

Пока женщины рубили, обрезали и сушили шесты, мужчины разрисовывали новые шкуры для покрытия изображениями богов – Солнца, Луны, звезд, и священными животными из своих снов – медведей, бизонов, бобров, выдр, обязательно в парах, самку и самца. Все это делалось разными цветами – обычно красным, черным, зеленым и желтым. Четыре широких красных и четыре черных полосы вокруг верхней части вигвама означали день и ночь. На самом верху в задней части каждого вигвама изображался знак, похожий на наш мальтийский крест – он означал бабочку, приносящую добрые сны – видения, с помощью которых тот, кто их видел и правильно истолковал, мог узнать, что приготовило ему будущее и как избежать возможной угрозы. Самым желанным сном осенью и зимой был сон, в котором спящий мог видеть зеленую траву и зеленеющие деревья – это означало, что он доживет до следующего лета.

Здесь, в роще хлопковых деревьев у вытекающего из озера ручья – годы спустя я должен был с подачи отца ла Комба назвать это озеро озером Святой Марии – шаманы решили вырастить ежегодный урожай особого сорта табака, которым пользовались на протяжении веков. Его они называли На-хо-уа-то-син⁴. Я не сомневаюсь в том, что у белых есть для него свое название, как и для всего остального, но я знаю его только под этим индейским названием. Он вырастает до двенадцати дюймов высотой, на стебле двенадцать листьев, но используются для курения не листья, как у нас, а клубень, размером с маленькую луковицу. С тех пор как наша компания и северозападники начали продавать индейцам более крепкий и ароматный табак, использование этого на-хо-уа-то-сина сильно сократилось, но религиозных церемоний это не коснулось. Жрецы Солнца, долго над этим размышляя, решили, что запах табака белых может быть неприятен для великого бога неба, и даже рассердить его так, что он может отвергнуть их молитвы⁵.

Рано утром на следующий день после того, как мы поставили лагерь у нижней части озера, жрецы Солнца выбрали в лесу небольшую поляну, на которой и собирались посадить табак, и женщины и дети стали носить сухие ветки ивы и других деревьев, пока вся она не покрылась толстым слоем хвороста. Потом шаман поджег эту кучу и разгорелся огонь, который должен был уничтожить всю растительность на этом участке. Затем, после полудня, два вигвама объединили в один с двумя очагами, и там жрецы Солнца всего племени собрались на закате, чтобы помолиться о хорошем урожае. Чтобы намочить выжженную землю, в которую будут брошены семена, нужен был дождь, поэтому все шаманы, один за другим, передавая друг другу трубку, просили богов о том, чтобы этой ночью прошел сильный ливень. Каждый шаман имел свой священный предмет, или амулет, и древние церемонии, которые помогали ему в общей молитве. Были шаманы – владельцы трубок Гром-Птицы, Лося, Бычьего Камня, Червя, Бобра (или Воды), и каждой трубке соответствовали свои песни, свои молитвы, и полный ритуал для каждой из них занимал не меньше часа.

Солнце склонялось к закату, небо было ясным и ничто не предвещало приближения дождя. Шаманы проводили свои церемонии в том порядке, в каком я сказал. Каждый раз, когда один из них заканчивал, лагерного глашатая посылали посмотреть, какая погода, и каждый раз он говорил, что на небе ни облачка.

Около двух часов пополудни Три Медведя, владелец талисмана Бобра, или Воды, начал свою церемонию – он и его старшая жена, или жена, сидящая рядом, вместе развернули свер-

ток со священной трубкой, разворачивая одну за другой раскрашенные шкурки зверей и птиц, и все это время он возносил молитвы Солнцу и тихо, глубоким голосом пел магические песни, от которых захватывало дух. Он вставил украшенный красивым орнаментом чубук в большую, сделанную из черного камня, трубку, заранее набитую на-хо-уа-то-сином. Затем он ее зажег, выпустил затяжку к богам неба, к матери-земле, на все четыре стороны света, и от всей души обратился к своим священным помощникам, Древнему Бобру и Древней Выдре, чтобы они использовали все свое влияние на небесных богов и уговорили их послать дождь прямо сейчас. Он протянул каждой из своих жен изгрызенные бобрами палочки из своей священной укладки и затянул песню Древнего Бобра, которую подтянули и остальные шаманы. Во время пения четыре женщины, держа палочки вертикально у своих губ, танцевали, обратившись на север, на юг, на восток и на запад, четыре раза, а во время пауз они поднимали палочки и имитировали издаваемое бобрами ворчание. Песня закончилась, женщины вернулись на свои места, и лагерный глашатай крикнул, что на западе собираются темные облака. В вигваме началось большое возбуждение, и Три Медведя крикнул, что шаманы должны еще раз спеть песню, велел своим женам повторить танец и приказал лагерному глашатаю принести вигвамный шест. Он привязал к концу шеста шкуры бобра и выдры, а также шкурку гагары, самых священных животных и птиц, живущих в воде, и протянул этот шест в дымовое отверстие вигвама, так что шкурки оказались на открытом воздухе, снова, с еще большим пылом стал молиться о дожде. Ха! Еще до того, как закончилась песня и женщины завершили свой танец, сильный порыв ветра потряс вигвам. Он стих так же быстро, как и начался, и в наступившей тишине мы услышали стук крупных капель по покрытию вигвама. Тут Три Медведя вскочил и крикнул своим друзьям-шаманам, чтобы те продолжали петь песню бобра, женщинам – закончить танец, и, подняв трубку с длинным чубуком, стал танцевать перед огнем, продолжая просить Солнце о сильном дожде. Когда песня завершилась, над нашими головами прогремел раскат грома и сразу на вигвам с оглушительным шумом обрушились струи дождя. И все стали хвалить Три Бобра и его сильную магию Бобра.

Дождь закончился только после рассвета, и потом черные тяжелые тучи уползли на восток, и тогда все племя собралось вокруг выжженного, а теперь залитого водой участка, чтобы посмотреть, как шаманы засеют его. Каждый из них принес мешочек с семенами и еще другие мешочки с навозом бизона, лося, оленя и других животных, собранного женщинами, и палочки, похожие на стебли тростника. Выстроившись в линию на северо-западном углу участка, они затянули одну из своих священных песен, и одновременно каждый из их делал в земле лунки и кидал туда четыре семечка и немного навоза, делал в западном направлении шаг на ширину мокапина и повторял эти действия, и так продолжалось, пока они не дошли до восточного края участка, там все развернулись и продолжали сажать семена, пока не дошли до западного края, потом снова развернулись и продолжили свою работу, пока весь участок не был засеян. Тогда на поле выбежали дети, они прикрыли посеянные семена, и на этом работа была закончена. Теперь эта земля стала священной, и всем было запрещено приближаться к ней, пока осенью шаманы не соберут урожай.

В это время года почти все животные, на которых охотятся ради мяса, сильно худеют, за исключением самок и некоторых молодых особей – однолеток и двухлеток, и, как и остальные охотники, мы с Красной Вороной испытывали немалые трудности, чтобы найти и добыть достаточно жирных животных для большой семьи Одинокого Ходока, хотя прерии к востоку от озера были покрыты стадами бизонов, а лесистые долины и горные склоны были полны оленей и лосей. За два дня, которые прошли после того, как было засеяно поле, мы смогли принести только тощее мясо, за что женщины нас отругали. Мы что – слепые и не в состоянии отличить жирное животное от тощего, или такие лентяи, что не хотим добыть нормальное животное? – говорили они.

Мать Красной Вороны сказала:

– Однолетки и двухлетки, а еще старые самцы толсторогов достаточно жирные, и их сейчас много на горе Плоская Вершина. Но ты, мальчик, слишком слаб для того, чтобы забраться на ее крутые склоны и добыть для нас нескольких животных; ты можешь охотиться только там, где можешь проехать верхом.

Красная Ворона не заметил, как она лукаво подмигнула его отцу, произнося эти слова.

– Ха! У нас нет сил забраться на скалу! Ха! Раньше, чем солнце снова зайдет, ты узнаешь, насколько мы сильны! – презрительно ответил он.

– Вы двое собираетесь завтра утром отправиться в горы? – хмуро спросил Одинокый Ходок.

– Да! Завтра вечером вы будете ужинать жирным мясом толсторога, – кратко ответил Красная Ворона.

RED CROW AND I WERE TWO HAPPY YOUTHS

Мы вышли к своему табуну, выбрали двух сильных лошадей и привязали их рядом с вигвамом. Вскоре после рассвета на следующее утро мы оседлали их и стали подниматься по длинному поросшему соснами хребту, который вытянулся параллельно озеру, и наконец по нему вышли к восточному склону горы Плоская Вершина. Путь был легким, потому что шел по хорошо утоптанной звериной тропе, которая тянулась вдоль верхней части хребта, и еще не дойдя до ее конца, мы увидели множество лосей, оленей и нескольких бизонов, пасущихся на склоне. Тут и там встречались густые заросли растений, напомнившие мне формой стеблей и листьев ревеня, росший в саду моей так далеко оставшейся матери; эти растения вытаптывали и объедали медведи. Мы внимательно следили за ними, потому что не имели желания встретиться со старой медведицей при медвежатах.

Оказавшись в конце хребта, мы стреножили лошадей среди редких сосен на наружной его стороне и сели, чтобы с помощью моей подзорной трубы осмотреть все, что было видно на длинной и широкой горе с каменистыми склонами. Здесь, где хребет сливался со склоном горы, широкий травянистый склон поднимался к вершине горы; с других сторон, с юга и запада, были обрывы глубиной в тысячу футов, из склонов которых, сложенных глиной и сланцами, поднимались вертикальные утесы. Первым делом я направил подзорную трубу на запад, и увидел, на расстоянии в полмили, стадо толсторогов, самок и телят, среди которых было несколько однолеток и двухлеток.

Тут Красная Ворона толкнул меня.

– Смотри туда, – сказал он, указывая на верхнюю часть травянистого склона прямо перед нами.

По южному склону медленно спускались компактной группой несколько толсторогов. Мы посчитали их – одиннадцать, все крупные самцы с массивными рогами. Было неудивительно, что их называли а-му-ка-ки-нах (большие головы); их головы казались слишком большими и тяжелыми для их тел. С вершины склона стекал небольшой ручеек; эти одиннадцать животных напились из него, потоптались рядом и наконец один за другим улеглись в траве по его берегам, где мы их уже не могли достать; хотя до них было не больше четверти мили, их острые глаза немедленно обнаружили бы нас, как только мы вышли бы из-за прикрытия сосняка.

Красная Ворона взял подзорную трубу, посмотрел через нее на стадо самок и молодняка, которые паслись на склоне к западу от нас, и решил, что до них мы сможем добраться. Двигаясь вдоль опушки леса, росшего вдоль края склона, мы могли подобраться к сланцевому хребту, под которым они паслись. Я возразил – впереди у нас целый день, и я хочу добыть большого барана. Тут стадо самок и молодняка появилось у края склона прямо перед нами и животные побежали к ручью, у которого лежали бараны. Но прежде, чем они там появились, бараны поднялись и направились к северной части горы, которая обрывалась пропастью глубиной в тысячу футов. Несколько молодых из вновь пришедших нагнали их, те развернулись, отодвинули молодняк и снова пошли к горе. Красная Ворона с улыбкой прошептал:

– Совсем они не уважают своих жен и детей!

Скоро бараны поднялись по склону и исчезли из нашего поля зрения. Самки и молодняк, напившись, вернулись на прежнее место, и мы наконец смогли начать подниматься по склону, чтобы приблизиться к баранам. Когда мы приблизились к ним, то опустились на четвереньки и стали передвигаться от одного куста можжевельника к другому, и наконец увидели баранов – все они лежали на траве и спали, кроме одного, который был часовым. От нас до них было около двухсот шагов, но мы видели, что, пройдя немного назад, обойдя их и ползком приблизившись, мы могли оказаться от них на дистанции уверенного выстрела. Так мы незамедлительно и сделали, и Красная Ворона, прицелившись в того, что был часовым (я прицелился в того, что был слева от него) шепнул мне: «Ска-ну-кит!» (Стреляй!)

Ба-бах! Ба-бах! – выстрелили наши ружья, и баран, в которого стрелял Красная Ворона, упал головой вперед и больше не двигался, но мой вскочил и вместе с остальными побежал к вершине горы. Скоро он начал спотыкаться и через несколько прыжков упал и затих.

Мы быстро разделали добычу Красной Вороны, найдя барана достаточно жирным, а потом пошли и разделали моего, который тоже был весьма жирен для этого времени года. Мы были счастливы; нам оставалось только привести своих лошадей и нагрузить их жирным мясом, Солнце не прошло еще и половины пути к зениту. Я предложил добраться до вершины горы и полюбоваться окружающим видом. Прогулка протяженностью в четверть мили привела нас на вершину большого утеса. У его подножия, и так далеко внизу, что они казались не крупнее кроликов, стадо толсторогов направлялось к участку лишенной растительности беловатой земли. Я посмотрел на них в подзорную трубу и сказал Красной Вороне:

– Они едят грязь и пьют белую воду, которая собирается в ямах, оставшихся после них.

– Такие места, где вода в родниках на вкус как огонь, часто встречаются в здешних горах; многие рогатые животные любят пить эту воду и есть эту грязь, – ответил он.

Вкус как огонь – это было название щелочи, насколько мне было известно, и, когда наша компания привезла туда поваренную соль, черноногие дали ей то же название – ист-сик-сипок-уи, и очень удивлялись, что нам нравится приправлять ею свою пищу⁶.

Пока мы наблюдали за толсторогами, к ним присоединились пять лосей и пара белохвостых оленей, и все они тоже стали пить горькую воду. Красная Ворона сказал, что, когда нам снова понадобится мясо толсторогов, нужно будет прийти к источнику и дожидаться, когда животные придут к нему, а не карабкаться по горам, выслеживая их. Мы некоторое время оставались на вершине утеса, любуясь необъятными равнинами на востоке и на севере, восхищаясь зрелищем покрытых снегом вершин, таких высоких, что они, казалось, пронзают небо, которые, как я точно знал, до меня не видели глаза белого человека.

– Старик⁷ был очень сильным и прыгал непонятно как, – лениво произнес Красная Ворона.

– Это как?

– Когда он создавал эту страну, которую потом отдал нам, он решил, что она не должна состоять из одних равнин; поэтому он стал прыгать, и там, где он прыгал, поднимались горы на длину и высоту его прыжка.

– Он был хорошим прыгуном. А нам теперь пора возвращаться за лошадьми, – ответил я.

Мы снова прошли мимо своей добычи и по длинному пологому склону спустились к хребту в том месте, где он отходил от горы, каменистый и лишенный растительности, за исключением растущих тут и там кустов по пояс высотой. Пока мы шли к тому лесу, где оставили своих лошадей, Красная Ворона затянул песню Волка, любимую песню охотников, и еще продолжал ее петь, когда мы приблизились к густым зарослям низкорослых сосен и пихт, и я тоже попытался ее подтянуть, стараясь выучить ее, хотя своим строем она очень отличалась от привычного нам.

– Нет! Не так, – сказал он, прервавшись и обернувшись ко мне. – Послушай, как надо.

И он продолжил, снова пропев эту часть песни, пока я внимательно вслушивался.

Мы были примерно в тридцати шагах от леса и, приблизившись к густому кусту, разделались, чтобы обойти его с двух сторон. И вот, когда мы почти обошли его, бабах! раздался выстрел из ружья со стороны леса, и тут же стрела, выпущенная в Красную Ворону, ударила в затвор его ружья, которое он держал перед грудью.

– Берегись! Прячься в кусты! – крикнул он мне.

ПО СЛЕДУ КОНОКРАДОВ

Когда мы с Красной Вороной прыгнули в сторону, чтобы скрыться в кустарнике, который мы обходили, оба мы увидели – хотя и смутно, сквозь облако порохового дыма за порослью молодых сосен – стоящего человека, который стрелял в меня из ружья. Потом мы потеряли его из вида, когда бок о бок залегли в кустарнике, не видели мы и того, что выпустил стрелу, которая должна была пронзить грудь Красной Вороны и лишь случайно попала в его ружье. Это ужасное нападение в тот момент, когда мы совершенно не могли предположить присутствие врагов, была для нас настоящим шоком; наши сердца колотились о ребра, нас трясло, словно от сильного холода.

– Надо остановить дрожь, – прошептал я, стараясь не стучать зубами.

– Да. Быть смелее, наблюдать за ними, быть готовыми к нападению.

Мы слышали, как в лесу наши лошади переступали копытами, пытаясь отогнать стаю жестоких кровососов; животные были там, где мы их оставили. Как мы поняли, враги решили позволить им оставаться на месте, пока они не убьют нас, чтобы захватить наши ценные ружья и снаряжение.

Мы поднялись на коленях, но эта позиция была очень неудобной, поэтому мы постарались сесть, следя за тем, чтобы не потревожить листья кустарника. Головы наши были ниже, чем начиналась листва, так что, глядя через голые ветки, мы могли видеть весь лес, от одного края хребта до другого; но, как мы не вглядывались, никаких признаков врагов увидеть не смогли.

– Может, они прошли к тому или другому краю хребта, чтобы добраться до возвышенности за нами и оттуда напасть на нас, – шепнул я после долгого и безрезультатного наблюдения.

– Нет. Я уверен, что вижу одного из них – он стоит и наблюдает за нашим укрытием. Смотри на мертвую сосну справа от нас; прямо за ней две маленькие сосны с густыми ветками от самой земли; он прямо за ними, он должен быть там, потому что, хотя день безветренный, ветки на высоте головы то и дело дрожат. Посмотри на это место через свой далеко видящий инструмент.

Я опустил ружье, положил его на колени, достал из футляра подзорную трубу и раздвинул ее, стараясь не задеть кусты – задача была не из легких. Я долго доставал инструмент и еще дальше наводил его на нужное место между пересекающимися ветвями двух рядом стоящих сосенок, и потом я вздрогнул и выдохнул, чем дал Красной Вороне понять, что заметил человека.

– Он там? Один? – шепнул он.

– Да. Один человек.

Я смотрел на него через мощную трубу, и мне казалось, что нас разделяют только пушистые ветки дерева. Я словно смотрел в его глаза, а он в мои. Глаза его были большими, холодными, блестящими; он не мигая смотрел в мою сторону. Кожа вокруг глаз была покрыта мелкими морщинами; остальное лицо было выкрашено красной краской. Он одет был в кожаную рубашку, с его плеч спускался плащ из бизоньей шкуры. Над бурой хвоей за его плечом торчал ствол ружья. Пока я смотрел на него, он медленно поднял руку, еще медленнее развел ветки перед своим лицом и, подавшись вперед, устоялся на куст, в котором мы прятались, сквозь сделанную им щель шириной в дюйм или два. Так он простоял довольно долго, а потом, осторожно отпустив ветки, подался назад и, обернувшись вправо, знаками сказал своему товарищу, которого я не видел: «Я их не вижу.»

Его товарищ, должно быть, знаками ему сообщил свой план о том, как напасть на нас, потому что тот немного погодя знаками ответил: «Нет. Мы будем сидеть здесь и ждать, когда они появятся.»

Я шепотом сказал Красной Вороне все, что увидел; он попросил трубу, очень аккуратно навел ее на нужное место и долго смотрел в нее. Глядя на него, я увидел, что он, как и я, вздрогнул, увидев так близко лицо врага; всмотревшись внимательнее, он нахмурился и скрипнул зубами.

– Убери, – сказал он мне, протягивая трубу.

– Нет. Я хочу еще раз на него посмотреть, – возразил я.

Он неодобрительно тряхнул головой.

– Убери, – повторил он.

– Почему?

– Потому что я хочу застрелить этого большеглазого! И ты должен быть готов ко всему, что случится после моего выстрела!

– Но ты можешь промахнуться!

– Нет. Я прицелюсь в то место, где скрещиваются ветки, и пуля попадет в него правее этого места, – сказал он, показывая на середину груди.

Следующие несколько минут показались мне часами. Я думал, что никогда не уберу в футляр трубу и возьму ружье наизготовку. Впервые мои руки так тряслись, что я с трудом смог попасть трубой в отверстие футляра из сыромятной кожи, куда она едва входила. Я задавал себе вопрос – что будет, когда Красная Ворона выстрелит? Я ругал себя за то, что был в таком состоянии. Я должен был успокоиться и быть готовым ко всему. Я посмотрел на своего почти-брата – он был спокоен, на лице у него была хмурая улыбка, свое ружье он осторожно просунул между стеблями кустарника. Это помогло. Я перестал трястись, взял ружье в руки, взвел курок и осмотрел запальную полку. Красная Ворона одобрительно кивнул.

– Сейчас! Внимательнее! Осторожнее! – прошептал он.

Бабах! – гроыхнуло его ружье.

– Я-и-и-и! – завопил человек за деревьями.

Его товарищ, который был справа от него, что-то крикнул ему, но тот не ответил. Мы слышали его тяжелое дыхание; одно из деревцев тряслось; потом все стихло. На мой шепот: «Он мертв?» Красная Ворона кивнул: «Да!»

Я снова достал подзорную трубу, очень осторожно, чтобы не потревожить кусты, а Красная Ворона с теми же предосторожностями перезарядил ружье и тихо шепнул:

– Что ты видишь?

– Только одну ногу в мокасине. Он не шевелится; ты наверняка его убил.

Я тщательно всматривался, но было все как я сказал: видно было только одну ногу, рядом со стволом левого из двух деревьев; их многочисленные ветки, покрытые густой хвоей, скрывали все остальное тело.

– Только бы увидеть второго врага. Постарайся, постарайся найти его своим далеко видящим прибором; он должен быть в десяти или пятнадцати шагах правее убитого, – попросил меня Красная Ворона.

И, когда я взял трубу, чтобы просунуть ее между другими ветками, мы услышали тяжелый топот в том месте, где оставили своих лошадей. Потом топот повторился, это был удар копыт по камням, торчащим их сухой хвое; ошибки быть не могло, эти звуки не могли издавать лоси или олени, только лошади могли с такой силой бить копытами.

– Наши лошади! Он их забрал, тот что с луком! Может быть, мы его нагоним! – крикнул Красная Ворона.

С ружьем в одной руке и трубой в другой я вслед за ним выскочил из кустов и побежал к вершине хребта. Вбежав в лес, мы увидели убитого – он лежал на спине, широко раскинув руки. В пятидесяти шагах от него мы нашли место, где оставили своих лошадей, дальше идти по следу было проще, потому что острые края копыт четко отпечатались на тонком слое сухой

и сгнившей хвои. Мы быстрее побежали по этим следам – сперва перевалили через узкий хребет, потом стали спускаться по его западному склону, и внезапно оказались на травянистой поляне среди соснового леса, как раз вовремя, чтобы увидеть врага, который ехал верхом на одной лошади и вел другую в поводу; он пересекал маленький ручей у подножия хребта. Он направлялся на запад через редкий сосновый лес, и двигался так быстро, что нам гнаться за ним было бессмысленно.

– Он идет к маленьким озерам у Быстро Бегущего Ручья, излюбленных охотничьих угодий Народа Гор. Наверное, часть их стоит там лагерем, – сказал Красная Ворона.

– До лошади мне особого дела нет, но я очень не хочу потерять свое седло, потому что другого такого я не найду, – пробормотал я.

Ничто из доставшегося мне за последний год не было для меня столь ценным. Это было испанское седло из твердой черной кожи, с высокими луками, которое военный отряд пикуни привез из очередного набега в далекую страну вечного лета, и я дорого за него заплатил: ружье и два одеяла.

– Ну, а я с лихвой возместил кражу моей лошади. Я убил одного из двоих, которые хотели убить нас. Я счастлив! Я горд! Для меня сегодня великий день. А ты не падай духом! Может быть, мы еще вернем твое седло. Мы пройдем по следу конокрадов до их лагеря, только вначале сделаем то, что должны – отнесем мясо большеголовых в лагерь. Пошли, сначала подойдем к убитому, а потом вернемся в лагерь за другими лошадьми, – сказал Красная Ворона.

Первое, на что мы обратили внимание, подойдя к убитому – его ружье и снаряжение исчезло; пока мы высматривали его товарища, тот незаметно пробрался к нему и все забрал. Красная Ворона был этим страшно расстроен.

– Я хотел взять это ружье. Я собирался посчитать с ним ку во время церемонии О-кан, – пробормотал он.

– Ты сможешь посчитать свой ку, – сказал я. – Я буду твоим свидетелем.

– Да, конечно. Но сам подумай, насколько лучше было бы, если бы я смог, стоя перед всеми, поднять это ружье и сказать им: «Смотрите на это ружье, оружие врага, которого я убил на горе Плоская Вершина, поднявшись на нее с западной стороны Внутренних Озер...»

– Это был сильный человек. Посмотри, сам он не толстый, но какие у него мощные ноги.

– Разумеется! Это был саксис О-ки-та-ки. Все мужчины этого племени обладают толстыми мускулистыми ногами, потому что живут они в горах и охотятся пешими, а не верхом, как мы на равнинах. Они столь выносливы, что могут забраться от подножия горы на ее вершину, ни разу не присев отдохнуть.

Так я впервые увидел человека из племени саксис О-ки-та-ки, которое живет в горах, или, как называли их в нашей компании, стоуни или стонис. Это было племя ассинибойнов или сиу, которое много лет назад после ссоры из-за женщины отделилось от основной части племени и, пройдя через принадлежавшие черноногим обширные равнины, полные бизонов, нашли себе прибежище в далеких Скалистых горах, бродя по их склонам между истоками Саскачевана и Миссури, по тем тропам, которые позднее облюбовали кутенаи, с которыми мы были в дружеских отношениях. Они добывали бобров и куниц, пеканов и росомах, и свою добычу приносили к нам в форт Маунтин, когда черноногих там не было. Иногда их меха скупали северозападники, действовавшие к западу от гор.

Было уже далеко за полдень, когда мы вернулись в лагерь и произвели немалое волнение, когда я сообщил, что Красная Ворона убил воина саксис. Старухи столпились вокруг нас и славили Красную Ворону, восклицая:

– Он храбрец, наш Красная Ворона! Он убил врага, он, наш Красная Ворона!

Медленно пробравшись сквозь все увеличивавшуюся толпу, мы наконец добрались до своего вигвама, где Одинокий Ходок и другие вожди быстро собрались, чтобы выслушать рассказ о наших приключениях во всех деталях. Они часто издавали одобрительные возгласы,

когда Красная Ворона рассказывал, как с помощью подзорной трубы он обнаружил одного из двух врагов и убил его, прицелившись в то место, где ветки перекрещивались прямо напротив его груди.

Одинокий Ходок сказал мне:

– Поднимающийся Волк, я еще в форте Маунтин говорил тебе, что этот далеко смотрящий инструмент очень сильно нам поможет. И теперь я тебе говорю: ты должен заботиться о нем, даже ночью держать его при себе, и никогда ни при каких обстоятельствах не спускать с него глаз.

– Друг мой, хотя юноша Красная Ворона убил одного из саксис, я думаю, что нужно сильнее наказать их за то, что они напали на наших охотников прямо здесь, в наших горах, – добавил другой военный вождь.

– Да. Если, как считает мой сын, они стоят лагерем где-то на Быстро Бегущем ручье, или где-то еще с нашей стороны гор, мы должны заставить их сильно пожалеть о том, что они не остались по другую сторону гор, на земле, которую мы никогда не считали своей страной.

Другие вожди один за другим одобрили это предложение. Военный вождь сказал, что должен незамедлительно собрать военный отряд, который пойдет на поиски лагеря, и выступить он должен вскоре после заката. Потом вожди встали и разошлись по своим вигвамам.

Когда все разошлись, Красная Ворона сказал:

– Отец, я не хочу возвращаться на гору Плоская Вершина за мясом толсторога. Я хочу вечером пойти с военным отрядом.

– Я тоже хочу, я должен вернуть свое седло, – сказал я.

Одинокий Ходок долго и задумчиво смотрел на нас, прежде чем ответить:

– Вы двое слишком молоды для военной тропы; если лагерь саксис действительно окажется по эту сторону Большого Хребта, будет большое сражение. Однако, какой толк от нас, старых или молодых, если мы не будем храбро сражаться со своими врагами? Да, сыновья мои, идите, и покажите всем, что вы – храбрые защитники наших женщин и детей, а горы и равнины, полные бизонов, останутся нашими, пока мы живы.

Мы не были настоящим военным отрядом, сотня или больше воинов, которые тем вечером покинули лагерь, чтобы найти лагерь горцев, которые осмелились прийти на нашу землю, охотиться на ней и ставить капканы, и которые пытались убить Красную Ворону и меня; мы были только членами военного общества Всех Друзей, которые быстро собрались для совершения этого рейда. Не было времени на то, чтобы приносить жертвы Солнцу, проводить церемонию потения в священной хижине; жрецам Солнца некогда было возносить молитвы о том, чтобы мы вернулись невредимыми и имели удачу в сражении. Никто даже не одел военный наряд. Мы выступили пешими, вместо того чтобы ехать верхом, чтобы иметь возможность неожиданно напасть на вражеский лагерь, если мы его найдем.

Быстро Бегущий ручей – это тот самый, который позднее трапшеры из Американской Мехоторговой компании называли Быстро Текущим ручьем. Он берет начало в высоких горах, течет на восток и впадает в текущую на север реку Многих Вождей – реку Святой Марии, в двух милях ниже нижнего из Внутренних озер – озер Святой Марии. Мы оставили лагерь у озера и пошли на северо-запад, через рощу редких сосен, пока не вышли к ручью и свернули на хорошо утопанную тропу, которая шла по его долине, мимо рощ хлопковых деревьев, дрожащих осин и сосен, перемежающихся открытыми, покрытыми высокой травой участками. Светила полная луна, было светло почти как днем, так что мы могли видеть отдельные группы бизонов – в основном быков, а также оленей и лосей, которые спокойно паслись, глядя на нас, и разбежались только при нашем приближении. Выли волки, хохотали койоты, и мы смогли услышать ответный собачий вой, который дал нам представление о том, где находится вражеский лагерь. Ведя нас, военный вождь непрестанно смотрел вперед, внимательно разгляды-

вал лошадиные следы на тропе, потому что наши охотники не ходили вверх по долине, чтобы добыть мясо или меха.

Пройдя примерно пять миль от лагеря, мы остановились передохнуть между двумя маленькими озерами, через которые протекал ручей, и, пока вождь и остальные разбились на небольшие группы, чтобы посидеть и покурить, Красная Ворона сказал мне, что это – озера Дерущихся Медведей. Однажды, много лет назад, тихим летним днем, пикуни поднимались по этой долине, чтобы разбить лагерь и некоторое время поохотиться, и, когда длинная колонна растянулась по тропе, два больших гризли вышли из кустов у подножия склона и стали драться. Женщины и дети испугались и побежали прочь от тропы, но мужчины успокоили их, сказав оставаться на месте и смотреть на драку.

Медведи кусались, цеплялись друг друга когтями, сцепившись друг с другом катались, как большой мохнатый мяч, потом, расцепившись, вставали на задние лапы и дрались передними, потом снова кусались и цеплялись когтями, и все это сопровождалось яростным рычанием, которое эхом отражалось от склонов долины и звучало, словно гром. День был жарким, медведи были жирными, так что скоро они устали и уселись мордами друг к другу, тяжело дыша и высунув языки из пастей, с которых текла пена. Потом, отдохнув, они снова стали драться, и рев их звучал громче, чем прежде. Потом они снова утомились, и, хотя не могли не слышать шум, издаваемый караваном – разговоры и смех людей, плач детей, лай собак, ржание лошадей – они ни разу не отвлеклись, чтобы посмотреть в сторону. Они снова стали драться, но уже не столь яростно и не так долго, снова устали, передохнули, и так продолжалось много раз; они сами были покрыты кровью, земля и трава вокруг были мокрыми от крови и пены. Наконец один из них упал и больше не двигался; другой, забравшись на него, сунул лапу под его челюсть и, дернув его большую голову вверх и назад, сломал ему шею. Потом он сел, посмотрел на него и убедился, что его враг мертв; пошатываясь, он ушел в кусты и больше не появлялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.